

Тем же вечером Хо Чжао отменил неважный светский раут и в одиночестве вернулся в свою двухуровневую квартиру, расположенную на последнем этаже в самом центре города.

Апартаменты занимали лучшее место в здании, открывая панорамный вид на город. Внутреннее убранство было выдержано в стиле строгого минимализма: преобладали черный, белый, серый и естественные древесные тона. Холодные, резкие линии интерьера не терпели лишних украшений. Дорогая дизайнерская мебель казалась отчужденной, в комнатах не чувствовалось жизни. Пространство было настолько огромным, что граничило с пустотой, а шаги по безупречно гладкому, словно зеркало, мраморному полу отдавались отчетливым, одиноким эхом. За гигантскими панорамными окнами раскинулся ослепительный ночной город: огни домов напоминали россыпи звезд, а потоки машин сплетались в золотые ленты. Этот блеск и роскошь казались холодными, далекими и совершенно чужими — в точности как настроение самого Хо Чжао.

Он снял безупречно сшитый пиджак, небрежно бросил его на диван и направился к встроенному винному шкафу.

Внутри, под мягкой подсветкой, красовались элитные спиртные напитки, их бутылки манили своим блеском. Не раздумывая, Хо Чжао достал выдержанный односолодовый виски Макаллан, вытащил пробку и налил себе чуть меньше половины тяжелого стеклянного бокала. Без льда — он предпочитал этот первозданный, обжигающий вкус.

С бокалом в руке он подошел к окну. Городской шум остался где-то там, снаружи, а в квартире воцарилась пугающая тишина. Он стоял, словно одинокий монарх, взирая на свое царство огней, но внутри него разливалось необъяснимое раздражение и... чувство пустоты.

Терпкий, пряный аромат виски щекотал ноздри, но мысли невольно уносились прочь, к образу юноши по имени Фан Синхэ.

В памяти всплыл вовсе не тот образ официанта из бара Призрак, который носил облегающую черную форму и скрывался за маской профессиональной отстраненности.

Перед глазами возникли снимки из досье, собранного помощником Чэн Фэном: вот он в школьной форме — сине-белой, застиранной, с потертым воротником, — видимо, еще старшеклассник. На плечах тот же старый рюкзак, в руках — стопка толстых книг. Он идет по аллее, залитой зеленью.

Солнечные лучи пробивались сквозь листву, оставляя на его лице пятна света. Чистые, четкие линии профиля, ясный взгляд, в котором читалась юношеская прямота и еще не знающая горестей решимость, но в уголках глаз затаилась не по годам взрослая стойкость, словно он нес на плечах невидимый груз.

Затем вспомнился тот мимолетный, но пронзительный взгляд, которым они обменялись в баре у столика A01.

Заметив его внимание, юноша резко вскинул голову. В его ясных глазах на мгновение мелькнули нескрываемый испуг и настороженность, как у маленького олененка, застигнутого в лесу хищником. Но уже в следующую секунду этот страх сменился напускным спокойствием. Хотя он поспешно отвел взгляд, та секундная реакция навсегда запечатлелась в сознании Хо Чжао.

Наконец, вспомнились два сообщения, переданные через Чэн Фэна — вежливые, но решительные отказы.

Никаких колебаний, никаких попыток торговаться, ни капли любопытства.

Читая эти сухие строки, Хо Чжао почти физически видел, как этот худощавый юноша поджимает бледные губы и с непоколебимой твердостью в глазах раз за разом нажимает кнопку отправить.

Не положено по правилам — отказываясь от перьевой ручки, он проводил четкую профессиональную границу.

Учеба отнимает много времени, я не справлюсь — отказываясь от высокооплачиваемой подработки, он оберегал чистоту своей учебы.

Хо Чжао запрокинул голову и залпом осушил бокал.

Обжигающая жидкость, словно огненная нить, прошла по горлу, оставляя в желудке мощное ощущение жара. В то же время в его остывшем, ледяном сердце вспыхнуло небывалое, почти деструктивное желание подчинить. Оно разгоралось, как лесной пожар, становясь неудержимым.

Сам Хо Чжао слишком давно не испытывал столь сильного и долгого интереса к кому-либо или чему-либо. Обычное накопление капитала или бизнес-сделки для него были лишь рутинной игрой, лишенной азарта.

А окружающие его люди — мужчины и женщины — будь то из страха перед его властью или из жажды наживы, лишь поддакивали и во всем угождали, что давно стало пресным и тошнотворным.

Фан Синхэ же, этот на первый взгляд слабый и нищий юноша, своим прямым сопротивлением показал нечто, кардинально отличающееся от фальшивого мира вокруг Хо Чжао.

Чем больше он сопротивлялся, чем больше проявлял свою принципиальность и гордость, тем отчетливее становилась его уникальность и... чистота.

Эта чистота в глазах Хо Чжао была драгоценной, но одновременно вызывала искушение

осквернить ее, взять под контроль. Ему хотелось сорвать эту оболочку из бедности и самодисциплины, чтобы увидеть, какая душа скрывается внутри. Что там на самом деле? Еще более чистое упрямство или хрупкость, которая рассыплется в прах? Он хотел увидеть, как принципы, достоинство и надежды юноши будут шаг за шагом рушиться под давлением силы, которой невозможно противостоять.

Он хотел, чтобы в этих ясных глазах, всегда полных настороженности и отчуждения, наконец отразился его собственный, яркий след — будь то страх, унижение, вынужденная покорность или что-то еще более сложное.

Лишь бы эти чувства были вызваны им, лишь бы взгляд юноши в конце концов принадлежал только ему.

Мягкость? Терпение?

Уголки губ Хо Чжао тронула холодная, насмешливая улыбка, словно он издевался над собственной недавней сдержанностью, которая была не чем иным, как подачкой.

Возможно, он с самого начала ошибался. Когда имеешь дело с чем-то, что кажется стойким, а на деле хрупко, мягкие попытки и обходные пути — лишь пустая трата времени, осквернение их обоих.

Это как с необработанным камнем: если хочешь получить драгоценность, нужно терпение и мастерство. Но если перед тобой упрямый булыжник, который не желает ложиться в руку, нужно действовать прямо и безжалостно — либо разбить его вдребезги, либо... силой подчинить себе.

Он вспомнил примечание в досье Чэн Фэна: Фан Синхэ всеми силами пытается получить государственную стипендию за выдающиеся успехи. Это был центр его нынешней жизни, единственная надежда на избавление от нищеты, на реализацию академических амбиций и даже на оплату лечения матери. Это был самый яркий и самый хрупкий свет в его мире.

Четкий, холодный план, полностью соответствующий стилю Хо Чжао, быстро созрел в его голове. Раз уж обходные маневры и притворство оказались неэффективны и только раззадорили юношу, пришло время заканчивать эту скучную прелюдию.

Он воспользуется своим излюбленным методом — при помощи власти и ресурсов сплетет безупречную, на первый взгляд логичную, но абсолютно неразрывную сеть. И в центре этой сети будет та самая надежда — государственная стипендия.

Он заставит Фан Синхэ собственными глазами увидеть, как надежда, от которой зависит его выживание, легко даруется волей Хо Чжао или... что куда более жестоко, так же легко отнимается.

В этой игре, начатой им в одностороннем порядке, правила теперь будет устанавливать он сам.

Пламя жажды завоевания уже полыхало в его глазах.

<http://bllate.org/book/19580/1920028>